

исторические события вызвали к жизни интересный идейно-политический феномен: в период раннего средневековья римская имперская традиция и даже сама абстрактная «идея Рима» были восприняты не только в Византии, что было естественно, но в той или иной степени прижились и эксплуатировались в варварских королевствах на западе бывшего «Римского мира». Прежде всего это касалось Италии и Галлии, где прошлое германское население столкнулось с многомиллионной массой носителей романской культуры, а также ценностей и социальных порядков погибшей античной цивилизации.

Особая ситуация возникла в Италии, где первоначально власть принадлежала уничтожившему имперский строй Одоакру, а в конце V в. утвердилось могущественное королевство остготов во главе с Теодорихом Великим. Покрытая густой сетью римских городов и вилл, обладавшая развитыми формами муниципальной жизни, наконец, имея в своем центре бывшую «столицу мира» – Рим – с его действующими древними политическими институтами – сенатом и консулами, Италия даже в условиях политического господства варваров не могла не сохранить имперское идейное наследие. Как заметила В.И. Уколова, «хотя римский мир распался, универалистская идея римской государственности продолжала жить в общественном сознании эпохи» [4, с. 6].

На рубеже поздней античности и средневековья Рим из реальной космополитической столицы мира постепенно превратился в идеологическую абстракцию, символ великой государственности. И если Одоакр не слишком заботился о конструировании форм преемственности своей власти с только что низвергнутым им строем, его идеологией и культурой, то Теодорих Остготский, наоборот, уделял этим вопросам повышенное внимание: восприятие всемирно-исторического достоинства императорского Рима королевством остготов было одной из важнейших содержательных линий его правления в Италии.

Нельзя не отметить, что и сами события 476 г. в те времена не воспринимались так однозначно, как принято думать. В этой связи сошлемся на слова ирландского историка рубежа XIX–XX вв. Дж.Б. Бьюри, которые приводит немецкий антиковед Ш. Краучик в своей работе «Два аспекта 476 года»: «476 год – это знаковая дата конца или падения Западной Римской империи. Однако эта фраза неточна и неудачна, и представляет произошедшие изменения в ложном свете. Никакая Империя не пала в 476 г.; не было никакой «Западной Империи», которая могла бы пасть. Была только одна Римская империя, которой иногда управляли двое или более Августов... Важно понять, что с конституционной точки зрения Одоакр был преемником Рицимера...» [2].

Таким образом, когда Одоакр в 476 г. отослал императорские инсигнии в Константинополь, этот символический акт воспринимался современниками как восстановление единства империи: Западу отныне был не нужен свой отдельный император, и восточный август Зенон формально был общим императором для всего бывшего «Римского мира». Одоакр, полновластно правивший Италией, формально воспринимался как его «военный представитель» на Западе – *magister militum praesentalis*, хотя данный титул он официально так и не получил.

Заслуживает внимания точка зрения о том, что решение Одоакра не провозглашать на Западе очередного императора-марионетку было обусловлено властью его ближайших родственников в Константинополе, а также политической концепцией, целью которой было возродить единство империи под властью новой династии, принадлежащей к позднеримскому военному сословию. Отчасти и поэтому государственное единство Востока и Западе после 476 г. нигде не ставилось под сомнение [2]. Как отмечал Ш. Краучик, оно не стало фикцией и после 480 г., когда умер живший в Далмации и свергнутый в 475 г. последний законный западный император Юлий Непот. Конституционное же положение Одоакра и его преемника Теодориха Остготского по отношению к римским жителям подвластных им территорий нуждалось в узаконивающем акте восточного, а теперь – единственного, императора, поскольку «ни в 476, ни в 480 году формальное единство Римской империи не прекратилось» [2].

Итак, на стыке античности и средневековья, в конце V – начале VI в., Италия оставалась центром, претендовавшим на присвоение былого имперского престижа. Причем в ней эти процессы развивали три разновеликие движущие силы: во-

УДК 94(97)

ИМПЕРСКОЕ ИДЕЙНОЕ НАСЛЕДИЕ В ПОСТРИМСКОЙ ИТАЛИИ (конец V – середина VI в.)

Бирюков Алексей Викторович

старший преподаватель кафедры всеобщей истории
Могилевского государственного университета
имени А. А. Кулешова
(г. Могилев, Беларусь)

Варварское завоевание провинций Западной Римской империи и последующее ее падение в 476 г. означали гибель имперских политических институтов, однако эти эпохальные

первых, все еще существовавшая позднеримская аристократия, во-вторых, сами остготские короли, особенно Теодорих, и, в-третьих, папская курия, простиравшая свою юрисдикцию на все западные епархии и таким образом словно объединявшая разрозненные варварские государства Европы.

Если данные идеолого-политические устремления римской знати и папства понятны, то «римскость» остготских королей Италии способна немало озадачить. Однако, как отмечает Ю. Каграманов, не были готовы смириться с гибелью империи и те самые варвары, которые ее уничтожили: они тотчас же принялись «играть в Рим», восстанавливая в меру своих сил внешние признаки повергнутого величия [1]. Это выражалось, помимо прочего, в активном проникновении римской потестарной символики (титолов, внешних атрибутов власти, церемониалов) в политическую культуру остготского королевства. Идея единогодержавной, божественной императорской власти, чуждая традиционному германскому обществу, стала моделью подражания для королей. Использование римской потестарной символики остготскими королями имело характер идеологической борьбы за правопреемство императорской власти на территории Западной Римской империи [3, с. 65].

Позднеримская знать также не оставляла попыток реанимации римской имперской традиции. Однако ее «имперская работа» в рассматриваемую эпоху была отягощена обстоятельством отсутствия политического суверенитета римлян. Сохранившиеся атрибуты исчезнувшего государства - сенат, консулат, система имперских должностей - решающей роли в управлении не играли, но римские консерваторы, «последние римляне», пытались сохранить античное наследие, дохристианскую культуру и прежний политический строй.

Не имея возможности самим возродить Римское государство, представители римской знати делали попытки пробудить интерес к империи, к римским обычаям и праву у остготских королей, особенно Теодориха, завоевавшего Италию в 493 г.

Главным борцом за «римское дело» в условиях политического господства остготов в Италии и главным идеологом готско-римского союза был Флавий Магн Аврелий Кассиодор (490-585). Все его многочисленные произведения проникнуты идеей непреходящего величия и вечности Рима [6, с. 245, 248]. Его стараниями главным политическим лозунгом остготских королей стала преемственность с Римской империей: готское завоевание якобы лишь сменило императора на короля [3, с. 48; 6, с. 129]. Под влиянием Кассиодора Теодорих провозгласил себя восстановителем и защитником римских обычаев и опирался на традиции «непобедимого Рима». Считая себя законным преемником римской государственности, Теодорих, как некогда сенат и императоры, покровительствовал другим варварским королям (вестготским, алеманским), принимал их послов, примирял их распри. Равеннский двор Теодориха пытался соперничать в роскоши с византийским [4, с. 6-7].

Кассиодор многое сделал для того, чтобы показать исконную связь готов с Римом и империей [5]. В его «Хронике» консульство наследника трона Евтариха рассматривается как начало нового блестящего и славного этапа всемирной истории, который органично вытекал из героического прошлого Рима. Кассиодор включил готов в число «исторических народов», что в представлении многих поколений римских историков было привилегией исключительно греков и римлян [4, с. 10].

Однако такая протготская позиция разделялась далеко не всеми позднеримскими интеллектуалами. Ярче всего это прослеживается в трудах Аниция Северина Бозэция (ок. 480-524/526). Он достаточно быстро разуверился в возможности восстановления римских порядков под властью варварского короля. Бозэций, апологет языческого прошлого Рима, никогда не признавал варваров законными преемниками римской славы, как это сделал Кассиодор [4, с. 15]. Христианство для него было внешним атрибутом, а священными оставались лишь слава и величие Рима. Именно в этом Бозэций, а также Симмах и некоторые другие авторы эпохи оставались «последними римлянами». Они могли принимать варварское государство лишь до тех пор, пока оно, по их представлению, развивалось в рамках римской государственности и культуры [4, с. 15].

Как мы отметили, третьей силой, поддерживавшей имперскую идею в своих интересах, являлась папская курия. В раннесредневековой Западной Европе римский епископ был не

просто единственным последовательным носителем имперской идеологии, но и реальным претендентом на миродержавство Рима. В прежнюю эпоху благодаря усилиям западной церкви утвердилась концепция универсальной христианской империи; объединительная централизующая миссия Рима стала восприниматься как миссия церкви, ибо торжество христианства должно было быть свершено в масштабах вселенского государства. Падение Западной Римской империи в 476 г. в глазах христианских авторов открывало дорогу рождению нового Рима в качестве *Империи Христовой*: ныне теократическая империя с центром в Риме должна была занять место прежней территориальной империи.

И политика остготских королей, и имперские амбиции папского престола заложили основу острейших геополитических противоречий со «Вторым Римом» - Византией. Юстиниан I принялся расширять ее границы; такие действия символизировали стремление к возрождению единства и территориальной целостности всей Римской империи. Величайшее формальное значение в «восстановлении» юрисдикции императоров в утраченных провинциях Запада имело поражение остготов и захват Италии, пусть и частично, и особенно города Рима.

В этой связи интересно мнение немецкого историка Ш. Краучика о том, кем и когда стала пропагандироваться идея 476 года как конца Римской империи на Западе. Он считал, что данная мысль впервые прозвучала у автора юстиниановской эпохи - Марцеллина Комита в его «Хронике», положение которой относительно «гибели» Римской империи в 476 г. процитировали впоследствии - также в угоду Юстиниану - Кассиодор в «Готской истории» и Иордан в «Гетике» [2].

Ш. Краучик приводит достаточно убедительные доводы в поддержку своей интерпретации знаменитых событий: «Теперь мы можем отнестись высказывание о наступившем с низложением Ромула Августула конце Римской империи, которое Марцеллин Комит записал первым, к имперской пропаганде Юстиниана. Без сомнения, эта интерпретация государственного переворота Одоакра отражает оценку Юстинианом «международного политического положения». Только в его концепции отвоевания Запада вписывается такая тенденция интерпретации событий, которая направлена против фактической власти готских королей в Италии и ... всех других германских королей Запада: отсюда наименование Одоакра Rex Gothorum, отсюда акцент на формальном взятии власти германским королем в Италии - в Риме, отсюда пренебрежение законным императором Непотом, отсюда подчеркивание ликвидации призрачной империи и ... половинчатое признание суверенитета государства Одоакра, едва ли когда-либо формально признававшегося Востоком» [2].

Таким образом, в «выпячивании» 476 г., т.е. в раздувании значения произошедшего тогда в Италии события, Ш. Краучик видит центральный пункт юстиниановской имперской идеологии и пропаганды отвоевания земель. Именно поэтому ученый называет Юстиниана «первым, кто назвал 476 год границей эпох», и, соответственно, «главным идеологом римской идеи» [2]. И именно Италия и ее символическое положение в имперском наследии Рима занимали в военно-идеологических планах Византии ведущее место.

ЛИТЕРАТУРА

1. Каграманов, Ю. Империя и ойкумена / Ю. Каграманов // Новый Мир. - 1995. - № 1 [Электронный ресурс]. - Режим доступа: http://magazines.russ.ru/novyi_mi/1995/1/kagram.html - Дата доступа: 15.09.2015.
2. Краучик, Ш. Два аспекта 476 года / Ш. Краучик [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://ancientrome.ru/publik/article.htm?a=1284967968#tt005> - Дата доступа: 12.10.2016.
3. Санников, С. В. Образы королевской власти эпохи Великого переселения народов в западноевропейской историографии VI века / С. В. Санников. - Новосибирск : Изд-во НГТУ, 2011. - 212 с.
4. Уколова, В. И. Культура Остготской Италии / В. И. Уколова // Средние века. - М. : Наука, 1983. - Вып. 46. - С. 5-26.
5. Шкаренков, П. П. Translatio Imperii: Флавий Кассиодор и римская традиция в остготской Италии / П. П. Шкаренков // Новый исторический вестник. - 2005. - № 2 (13) [Электронный ресурс]. - Режим доступа: http://www.nivestnik.ru/2005_2/1.shtml - Дата доступа: 12.10.2016.
6. Шкаренков, П. П. Римская традиция в варварском мире. Флавий Кассиодор и его эпоха / П. П. Шкаренков. - М. : РГУ, 2004. - 270 с.